

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

АЖЕПРАВИТЕЛИ

КАК СТАТЬ «СЫНОМ БОГА» • «НОРВЕЖСКАЯ ДЕВА» —
КОРОЛЕВА ШОТЛАНДИИ? • ТАЙНА САМУРАЯ
• БЕЗЫМЯННЫЙ «НАСЛЕДНИК» ХАНСКОГО ПРЕСТОЛА
• О ЧЕМ МОЛЧИТ ТАМПЛЬ • САМОЗВАНЦЫ ВСЕЯ РУСИ

Анна Владимировна Корниенко

Лжеправители

Серия «Загадки истории (Фолио)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4418465

*Лжеправители: Фолио; Харьков ; 2011
ISBN 978-966-03-5667-2, 978-966-03-5147-9*

Аннотация

Власть притягивает людей как магнит, манит их невероятными возможностями и, как это ни печально, зачастую заставляет забывать об ответственности, которая из власти же и проистекает. Вероятно, именно поэтому, когда представляется даже малейшая возможность заполучить власть, многие идут на это, используя любые средства и даже проливая кровь – чаще чужую, но иногда и свою собственную. Так появляются лжеправители и самозванцы, претендующие на власть без каких бы то ни было оснований. При этом некоторые из них – например, Хоремхем или Исэ Синкуро, – придя к власти далеко не праведным путем, становятся не самыми худшими из правителей, и память о них еще долго хранят благодарные подданные.

Но большинство самозванцев, претендуя на власть, заботятся только о собственной выгоде, мечтая о богатстве и почестях или, на худой конец, рассчитывая хотя бы привлечь к себе внимание, как делали многочисленные лже-Людовики XVII или

лже-Романовы. В любом случае, самозванство – это любопытный психологический феномен, поэтому даже в XXI веке оно вызывает пристальный интерес.

Содержание

Человек и власть	5
Хоремхеб. Как стать «сыном Бога»	41
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Анна Корниенко

Лжеправители

*Из всех страстей человеческих, после
самолюбия, самая сильная, самая свирепая –
властолюбие.*

Виссарион Григорьевич Белинский

Человек и власть

Начать разговор о личностях, вошедших в историю с малопривлекательным клеймом «лжеправитель», будет полезно с рассмотрения такого распространенного во всем мире явления как самозванство в целом. Конечно, не всем самозванцам удавалось пробиться к власти, как и не каждого лжеправителя, по большому счету, можно назвать самозванцем. Однако эти два понятия зачастую столь тесно переплетаются друг с другом, что их вполне можно рассматривать в едином русле.

Сотни томов художественных и научно-популярных произведений известных и малоизвестных авторов, бесчисленное количество научных трудов посвящено этой невероятно интересной и интригующей теме.

Попробуем и мы вкратце проследить жизненный путь некоторых из них, из числа наиболее неординарных лично-

стей своего времени, да и, пожалуй, человеческой истории в целом.

Итак, лжеправители. Кто они такие? Что заставляет людей называться чужим именем, приписывать себе чужие заслуги, присваивать место, по праву принадлежащее другому, как, собственно, в какой-то мере и чужую жизнь? Только ли жажда наживы, жажда власти и всеобщего признания, которых, бывает, невозможно добиться иным путем?

Только ли негативные моменты несет с собой это явление? Или, наоборот, может иногда оказаться благоприятным, если не спасительным, для народа и страны, в которой оно возникает?

На самом деле у самозванства, как и у вообще стремления человека к власти, причин более чем достаточно. Причины эти, порождающие желание править у разных людей, разные (хотя можно выделить ряд общих характерных черт и закономерностей), как не одинаковы и последствия их деятельности.

Вспомним сказку из «Тысячи и одной ночи» о злом, жадном и жестоком султанине, который однажды решил развлечься, «подшутив» над нищим бездомным, оказавшимся похожим на него как две капли воды. Султан приказал напоить беднягу, а когда тот уснет, переодеть в дорогие одежды и уложить на собственное ложе во дворце. Придворным было строго-настрого запрещено открывать несчастному правду о том, что произошло. Наоборот, относиться к нему следовало

так, как должно относиться к властителю.

И что из всего этого вышло?.. Скажем так: шутка не удалась. Проснувшийся во дворце, разодетый в бархат и золото бедняк поверил, хотя и с трудом, что он и есть султан. И начал править. За короткий срок он раскрылся как мудрый и добрый правитель, сумел победить в войне с захватчиками и утвердил ряд законов, приведших страну к процветанию. Вот так лжеправитель поневоле стал причиной благоденствия многих тысяч людей.

Сказка – сказкой, но похожие примеры истории тоже известны. Жаль только, что намного больше примеров других, когда человеческая алчность и властолюбие губят целые государства и доводят до крайней нищеты и полного отчаяния и без того измученные народы. Причем произойти подобное может очень легко как от рук самозванного претендента, так и от действий законного монарха – в этом случае разницы в принципе нет никакой.

Бхартрихари, индийский поэт VI–VII веков, вообще сравнивал царей – самозванных или законных, не имело значения, – со шлюхами, которые бесконечно смешивают правду с ложью, показную щедрость и милосердие – с жестокостью и бесстыдной жадой наживы. С поэтом трудно не согласиться. Ложный ли правитель, настоящий ли, с прискорбием приходится признавать простую и горькую истину: мало кто из этих господ действительно пекся о людях, о народе, который волею судеб оказался от него зависим.

Отчего же так происходило, да и происходит иногда, к сожалению, по сей день? На этот вопрос трудно ответить односложно. Общепринятое мнение: деньги, власть и слава портят людей. Ведь недаром считается, что из трех легендарных испытаний – огнем, водой и медными трубами, третье, те самые «медные трубы», иначе говоря власть и слава, – самое трудное. И особенно трудным оно бывает в том случае, когда человек быстро, а еще правильнее будет сказать – резко, «перепрыгивая» через все возможные карьерные ступени, поднимается «наверх» с самых «низов», а в отношении самозванных правителей, как правило, так и случалось. Вряд ли среди нас найдутся люди, которые не сталкивались с подобным явлением в повседневной жизни. Популярная в народе поговорка – «из грязи в князи» – говорит именно о такой ситуации. Оглушенные скоропостижно навалившимся на них успехом «герои» зачастую теряют способность мыслить здраво, мгновенно забывая, откуда вышли сами и через что им самим довелось пройти. Поэтому, вопреки ожиданиям, вместо долгожданного понимания собственных проблем народ, как правило, получает совсем другое. Каким бы абсурдным это ни казалось на первый взгляд, но история доказывает, что наиболее жестокими тиранами становятся две категории людей: это выходцы из простого народа и те, кто завоевывают доверие того же народа, критикуя существующее правительство.

Однако все сказанное выше вовсе не означает, что потом-

ственные правители – наследники высокородных династий – ограждены от подобного. За всю историю человечества правителей, независимо от знатности их происхождения, истинно заботившихся о благе государства и живущих в нем людей, можно счесть по пальцам.

Возьмем хотя бы ту же Древнюю Индию – лишаящая дара речи роскошь дворцов раджей и шокирующая нищета простых индусов (в наши дни наблюдается примерно то же самое); вспомним и средневековую Францию – погрязшее в убогости, вымирающее от голода и болезней население страны и процветающий двор очередного из Людовиков. Читая письменные источники прошлых веков и даже прошлых тысячелетий и сравнивая описанные в них события с тем, что видишь вокруг себя, приходишь к неутешительному выводу: в ряде стран мало что изменилось.

Говорят, что всякий народ имеет такое правительство, которого заслуживает. Чтобы эта мысль не прозвучала как некое оправдание действий тиранов, дополним ее известным высказыванием Гийома Рейналя: «Сила тех, кто управляет, в действительности не что иное, как сила тех, кто позволяет собой управлять». Сведя воедино эти две крылатые фразы, можно сделать вывод: любое правительство будет обращаться с народом так, как сам народ позволит ему с собой обращаться.

Задумавшись обо всем, сказанном выше, читатель может

задать вполне логичный вопрос: а зачем в таком случае вообще нужна власть, хоть «ложная», хоть «истинная», если она в любом случае зиждется на эксплуатации населения?

Ответить на него можно, пожалуй, так: человек живет в государстве, в обществе, и ни то ни другое не существует без власти. Общества без власти так же неизвестны истории, как и общества без семьи или без собственности. Государство и власть шагают рука об руку и трудно представить, что было бы, если бы сейчас вдруг кто-то взял и отменил все государственные органы и инстанции. Если бы завтра мы проснулись, а в мире не осталось бы ни одного управленца, ни одного руководителя ни на каком уровне, соответственно, ни одного закона (потому что закон – это часть власти), а общество смешалось бы в единую, совершенно равноправную массу, – что бы мы стали делать и как себя вести? Как бы звучало приятное для слуха слово «равноправие» в условиях, когда никто бы не правил в принципе? Сложно сказать, а еще сложнее представить.

Кто же в современном мире обладает властью в первую очередь? В первую очередь властью обладают президенты или монархи по отношению к гражданам своих стран. И это – наиболее яркий пример политической власти. Но власть, конечно, существует и вне политики. Ею наделены руководители по отношению к подчиненным, родители – по отношению к детям, супруги – по отношению друг к другу. И вряд ли кто-то возьмется отрицать, что, скажем, для семьи,

где от проявления власти родителя зачастую зависит жизнь и здоровье ребенка, или для предприятия, где от власти руководителя зависит организованность, порядок и, в целом, успех всей его деятельности, власть жизненно необходима. Действительно, власть необходима практически во всех областях жизнедеятельности человека. Главное, чтобы она была разумна и не применялась во зло, впрочем, как и все остальное в нашей жизни.

Так что же такое власть вообще? Под словом «власть» следует понимать способность и возможность одних людей оказывать определяющее воздействие на других с помощью различных сил, средств и способов. По сути своей власть представляет одну из сторон неравенства, поскольку власть – это всегда господство и подчинение, независимо от того, идет ли речь об отдельных гражданах, группах людей, классах, нациях, народностях. Власть – это право, которым наделен человек или какая-то структура в силу своего социального статуса в обществе.

Субъектом власти всегда является конкретный человек, отношение которого к осуществлению собственных властных полномочий опять же субъективно. Какие бы правила и инструкции не были прописаны официально, любая правящая личность поймет и воплотит их по-своему. Кроме того, при всей широте собственных возможностей правитель может либо тяготиться властью, либо наоборот стремиться к еще большему расширению сфер своего влияния. Это ка-

сается каждого правителя и каждого претендента без исключения. Психологические особенности личности, а главное – мотивационные особенности определяют различия в использовании власти, последствия чего все мы ежечасно ощущаем на самих себе.

Но даже в том случае, если «власть» как таковую мы и не «ощущаем», она все равно существует. Этот эффект, носящий название «разрежения власти», возникает тогда, когда складывается впечатление, будто никто никому не подчиняется, хотя на самом деле это совсем не так. Эффект разрежения власти мы можем наблюдать в высокоразвитых демократических странах, где благодаря умелым действиям правительства и руководства разных уровней процесс жизнедеятельности государства организован на высочайшем уровне, причем население стран практически не испытывает на себе ровным счетом никакого давления со стороны властей.

Противоположностью «разрежения власти» является эффект «сгущения власти» – иначе говоря, очень большая, очень ощутимая власть одних людей над другими. Такая власть, что называется, давит, однако при этом далеко не всегда является действенной. Подчинить волю одних людей воле других можно разными методами: с помощью разума или через чувства – любви или страха, посулами или дачей материальных ценностей, угрозой нищеты, убеждением или принуждением.

Любые существующие объекты власти – народ, сотрудни-

ки организаций, религиозная община, семья – подчиняются властям (власти) в основном не просто так, механически, а исходя из собственной субъективной точки зрения на понятие справедливости. Хотя тут, конечно, стоит сделать оговорку: не подчиниться несправедливым, с точки зрения конкретного человека, требованиям мужа или жены, отца или матери, даже начальника организации или общины гораздо проще, чем, скажем, командиру в армии или полномочным представителям соответствующих государственных органов. В этом случае вопрос справедливости зачастую отходит на второй план, и субъективный взгляд на вещи растворяется под давящей массой объективной реальности бытия. Как говорил великий Платон, во всех государствах справедливостью считается одно и то же, а именно то, что выгодно существующей власти.

Государственная власть – это не одна из разновидностей власти наряду с властью разума, чувств, властью предрассудков и так далее. Государственная власть уникальна и отличается главным образом тем, что она – наиболее важное орудие принуждения, как бы жестко, на первый взгляд, это ни звучало. Она – единственная в своем роде, если иметь в виду мощь этого орудия, имеющего разветвленную сеть в каждом городе, районе, в любом населенном пункте, а также широту спектра средств и возможностей его воздействия на граждан.

Главным из созданных государством (конкретно эти слова относились к монархии, но в этом контексте между данными

понятиями можно провести параллель) средств управления народом, как считал великий философ Бенедикт Спиноза, о чем он писал в своем «Теолого-политическом трактате», является вовсе не армия или полиция и так далее, а религия. Спиноза считал, что она является тем, что заставляет введенного в самое глубокое из всех своих заблуждений человека бороться за собственное рабство.

Откуда же берется в человеке это яростное, всепоглощающее порой стремление подчинять себе подобных? Некоторые исследователи считают, что отношения господства и подчинения, то есть собственно властные отношения, заложены в самой природе человека. Так это или нет – сказать трудно, поскольку существует слишком много причин, вызывающих у человека желание прийти к власти – не править, а именно прийти к власти, и никто не пробовал (поскольку это просто невозможно), устранив все эти причины, посмотреть, что же получится.

В подтверждение версии о врожденной жажде властвовать можно привести мнение Аристотеля, который, однако, считал, что желание править присуще не всем, а лишь отдельным людям и даже целым народам, которые по природе своей призваны властвовать, все же остальные – им подчиняться. Нельзя сказать, что пропаганда подобной идеи вполне безопасна. Яркий пример тому – итальянские фашисты и немецкие нацисты, придерживавшиеся, судя по всему, похожей точки зрения. К чему привела их деятельность – ни

для кого не секрет.

О том, что властвовать желает (тайно или явно) каждый рожденный на земле, говорили многие великие люди. Позднее учеными – политическими психологами, не удовлетворенными исключительно таким объяснением, были сформулированы основные причины, толкающие человека на тернистый путь, ведущий к браздам правления. Источник властолюбия они видели и в страхе, когда власть давала возможность почувствовать себя более защищенным, в первую очередь – от собственной внутренней беспомощности (сюда относится так называемый невротический тип правителей – людей злобных, враждебных и часто неадекватных, с заниженной вплоть до комплекса неполноценности самооценкой¹), и в жажде удовольствий, к которым можно отнести материальные и эмоциональные потребности, и в необходимости самоутвердиться; и в возможности самовыразиться, и в потребности быть личностью. Благодаря этой последней потребности, с помощью прихода к власти реализуется стремление человека делать что-то не только для себя, но и для других; к этой группе относится наиболее редкий и ценный тип правителей. Как мы видим из перечисленных примеров, материальный фактор (иначе говоря, деньги) в стремлении особы к власти играет, на удивление, не первую и не основную роль.

¹ Как сказал Бертран Рассел: «Стремление к власти порождено страхом. Тот, кто не боится своих соседей, не видит необходимости властвовать над ними».

Кроме причины, побудившей некоего среднестатистического правителя собственно правителем и стать, колоссальную роль в выборе им внутри- и внешнеполитического курса управляемой страны играет его личностная самооценка. Самооценка – это позитивное чувство в отношении себя, схожее с самоуважением. Лидеры с действительно высокой самооценкой, как правило, менее зависимы от внешних обстоятельств и внутренне более стабильны. Правители (впрочем, как и все другие люди) с низкой самооценкой более зависимы от взглядов других, более восприимчивы к чужим мнениям. Они склонны легко менять самооценку, равно как и собственные убеждения, в зависимости от одобрения или неодобрения другими людьми их намерений или действий.

Однако если у власть предержащего самооценка занижена, его недовольство собой может стать той движущей силой, которая будет толкать его на взятие все новых и новых политических высот, и этот момент можно считать положительным в том случае, если рвение соответствующего руководителя не будет идти вразрез со здравым смыслом. Лидеры с завышенной самооценкой, переоценивающие собственные возможности, склонны не замечать возможной негативной реакции общественности на курс своей политики, склонны упиваться собственным (зачастую мифическим) успехом и не воспринимать ни критики, ни реальных последствий своих усилий. Правители с адекватной самооценкой могут служить образцом политического деятеля, поскольку их дей-

ствия не продиктованы ни стремлением к самоутверждению, ни манией величия. Они адекватно оценивают свои действительно высокие способности и, как правило, так же высоко оценивают других лидеров и уважительно к ним относятся. Они не боятся быть униженными или обойденными и добиваются поставленных целей здраво и последовательно, к всеобщей выгоде.

Ощущение власти над кем-то может возникать даже у самого обыкновенного человека в результате проявления его превосходства, под которым можно подразумевать особую физическую силу, некие таланты и способности, серьезный жизненный опыт, положение в семье, на работе и тому подобное. Из всего вышесказанного становится ясно, что свою жажду править, проявляющуюся иногда у любого из нас, человек может удовлетворить совсем не в политике, а и в других областях. К примеру – в армии, в религиозной сфере, просто в семье, да и, собственно говоря, где угодно, на любом практически поприще, в зависимости от силы собственных амбиций. Но всё же ничто в человеческой жизни не связано с властью в такой степени, как политика, и именно об этом мы и будем говорить.

Политическая власть предполагает подчинение максимального числа граждан и имеет наибольшее количество средств как убеждения, так и принуждения (правда, это касается власти уже утвердившейся; претенденты, законные или нет – особенно последние, – практически всегда ограни-

чены как в первом, так и во втором).

В этой связи хочется сказать о таком «замечательном» явлении, характерном для любого общества, как экономически господствующая элита. Это «тайное правительство», как некоторые ее называют, делает так, что осуществляемая во всей стране государственная власть становится ее собственной властью, а воля государственного закона – ее собственной волей. Экономически господствующий класс, навязывая обществу выгодные исключительно для себя законы, обычно находит некую общенациональную идею, которой он прикрывает собственные корыстные цели и которая помогает удерживать у власти обеспечивающего соблюдение их личных интересов лидера. Подобное явление характерно, к сожалению, для многих стран мира.

Человек, жаждущий политической власти, как правило, ненасытен. В своей тяге он похож на наркомана: как и последний, он не остановится ни перед чем, пытаясь достигнуть желаемого. Все другие люди для него – только средство достижения власти. Причем личные эмоции играют тут главную роль. Осознание собственной значимости, собственной причастности к вопросам жизнедеятельности целого общества – вот момент истины каждого такого политического наркомана. Поэтому даже публичность не является необходимым условием: наслаждение от «осознания» – вот та «доза», которой требует его мозг, то, без чего он не мыслит своего существования.

Но опять-таки далеко не все правители, как и не все самозванцы, относятся к вышеназванной категории любителей острых ощущений. Какие же особенности характерны именно для самозванных правителей, самозванных претендентов на власть? Как и в случае с «законными» правителями, их несколько. Заметим, кстати, что полезным будет отличать друг от друга случаи, когда самозванцы знали о том, что они не те люди, за которых пытаются себя выдавать, и те, когда, как в приведенном выше «сказочном» примере, человек был обманным путем убежден другими людьми в своем происхождении или сам изначально в это искренне верил. Некоторые исследователи считают, что известнейший русский самозванец Лжедмитрий I мог искренне считать себя царевичем Дмитрием (хотя на итог его деятельности это, разумеется, никоим образом не повлияло), но это остается на уровне предположений. Такие же предположения делаются и относительно Анны Андерсон, самой известной из так называемых «романовских» самозванок, выдававшей себя за великую княжну Анастасию Николаевну.

Самозванцы могут выдавать себя за реального – живого или усопшего – человека или же за особу, никогда в действительности не существовавшую. Лица, становящиеся объектами самозванства, – это, естественно, те люди, которые пользовались влиянием, известностью и популярностью в то время и в том обществе, где действуют самозванцы. К примеру, в XVIII–XIX веках (предромантическую и роман-

тическую эпоху) многие европейские авантюристы выдавали себя за представителей тех или иных экзотических народностей, по большей части – за соответствующих «принцев» и «принцесс». И это понятно: экзотика была в моде, шла рука об руку с романтикой, а сама возможность принадлежности к правящим династиям добавляла шарма и одухотворенной возвышенности создаваемому образу.

Ярким тому примером может стать самозванка, вошедшая в историю как княжна Тараканова. Эта таинственная женщина с самого начала сумела обратить на себя достаточно внимания, что далеко не просто, как может показаться на первый взгляд. О своем происхождении она рассказывала так же загадочно, как и вела себя. Явившись в Европу неизвестно откуда, она первое время презентовала себя как некую султаншу Али-Эмете. Потом список имен продолжился и весьма расширился: принцесса Азовская, госпожа Шель, мадам Тремуйль, мадам Франк и т. д. Апогеем перевоплощений самозванки стал образ российской княжны Елизаветы Владимирской, якобы рожденной императрицей Елизаветой Петровной от ее фаворита Алексея Разумовского.

И каким был итог всего этого? Женщина в некотором роде добилась своего: она обрела популярность, о ней говорили и писали. Хотя добраться до трона ей, как мы знаем, так и не удалось. Но, похоже, она не особо на него и претендовала.

На самом деле настоящая, как считают исследователи, дочь императрицы и Разумовского, княжна Тараканова, ко-

торуую звали Августой, предположительно 1744 года рождения, была вначале вывезена за границу, а в возрасте 41 года по велению Екатерины II насильно привезена в Россию. Под именем Досифеи она была пострижена в московский Ивановский монастырь, где в абсолютном уединении и закончила свои дни.

Другой заслуживающий внимания пример – некая Мэри Бэйкер, выдававшая себя за принцессу Карабу с некоего таинственного острова в Индийском океане. Она появилась в Глостершире в 1817 году. Незнакомка была одета в экзотическую одежду, с тюрбаном на голове, и говорила на никому не известном «языке» (собственного, как потом выяснилось, производства). Некоторое время эта особа была в центре внимания всей общественности. Но в конце концов «принцессу» опознали: ею оказалась дочь местного сапожника, и последующую «карьеру» женщина строила, продавая пивок в одной из английских больниц.

Загадочность, популярность, почет, тайна... Что ж, романтизм есть романтизм, тут можно обойтись без комментариев.

До XX века объектами самозванства были преимущественно царствующие особы и их родственники (лже-короли и королевы, лже-принцы и принцессы периодически появлялись практически во всех странах Европы), даже совсем не обязательно существовавшие в действительности. Искатели удачи сплошь и рядом «превращались» в царевичей, кото-

рых никогда не было на самом деле. Так, к примеру, на Руси появлялись «сыновья» Василия Шуйского, Федора Иоанновича и даже иноземных монархов. Подобное положение вещей значительно упрощало жизнь самозванцу: ему следовало доказывать лишь свою принадлежность к царскому роду, а не тождество с конкретным человеком, что было намного сложнее.

Подобный вид самозванства к романтике не имеет никакого отношения. Это уже чистой воды политическое самозванство, причины возникновения которого можно сопоставить с уже рассмотренными нами причинами стремления человека к власти вообще. К особенностям же самозванства как явления можно отнести следующее: недовольство народа существующим режимом и желание определенных слоев населения (не обязательно даже экономической элиты, монархическая Россия тому живой пример) возвести на престол собственного марионеточного правителя. Большую роль во всем этом играет как менталитет населения каждой конкретной страны, так и личные намерения человека, рвущегося к власти.

Политическое самозванство встречалось уже в глубокой древности. К примеру, в Древнем Египте трон фараона Менеса занял, правда лишь на очень короткий срок (пока настоящий царь был «в отъезде»), его «двойник»-самозванец, совершенно посторонний божественной семье (фараоны в Египте считались сыновьями и воплощениями бога на зем-

ле, в самом прямом смысле этого слова) человек. Каким же образом ему удалось это сделать? Самозванец оказался похож на фараона до такой степени, что даже придворные по возвращении истинного владыки не сразу смогли понять, кто есть кто. Кстати говоря, за время своего короткого правления «двойник» успел издать несколько очень полезных для страны законов. О его дальнейшей, после разоблачения, участи история умалчивает. Хотя не трудно догадаться, что именно могло ждать простолюдина, «осквернившего» священный трон земного бога...

Это был один из немногих случаев, когда исключительное внешнее сходство с царем сыграло решающую роль в жизни лжеправителя. Другой похожий случай описан Александром Дюма в его романе «Виконт де Бражелон», по мотивам которого снят популярный фильм «Человек в железной маске»; правда, лжеправителем несчастного узника Бастилии, принца крови и брата-близнеца правящего монарха Людовика XIV назвать можно лишь с большой натяжкой. Но, как правило, жаждущие дорваться до трона аферисты такую мелочь, как внешнюю схожесть, учитывают не всегда.

Древнюю Персию самозванцы также не обделили своим вниманием. Однажды претендентом на престол (а на некоторое время и правителем страны) стал маг² Гаумата, вошедший в историю как лже-Смердис (или лже-Бардия), поскольку выдавал себя за младшего сына царя Кира, Смерди-

² Магами в древней Персии называли индийских жрецов.

са (Бардию), брата царя Камбиса. Ничем хорошим для самозванного правителя это не закончилось – он был свергнут и убит заговорщиками во главе с Дарием I.

В Англии в конце XV века престолу правящего монарха Генриха VII угрожал под именем сына Эдуарда IV самозванец Варбек. В Черногории в третьей четверти XVIII столетия под именем русского императора Петра III правил известный самозванец Стефан Малый. Во Франции в XIX веке появилась целая череда самозванцев, выдававших себя за дофина Людовика XVII (об этом мы расскажем подробнее).

Начиная с XX века и до наших дней самозванцы, кроме выдающихся государственных деятелей и их потомков, стали принимать облик известных актеров, певцов, спортсменов, их «сыновей» и «дочерей» (в этом случае тесно сплетаются между собой два уже известных нам момента: корысть и чувство собственной незначительности). Неспроста у Ильфа и Петрова родилась идея обыграть образ «сына лейтенанта Шмидта» в своих «Двенадцати стульях».

Некая Кэсси Чедвик (1857–1907) называлась незаконнорожденной дочерью Эндрю Карнеги, сталепромышленника из Шотландии. Искусно подделывая чеки, она получала деньги в банках, а однажды благодаря фальшивому векселю на сумму 2 млн долларов, якобы выданному ей «отцом», Чедвик сумела получить ссуды в разных банках на общую сумму от 10 до 20 млн долларов.

Другой мошенник, наш современник, афроамериканец

Дэвид Хэмптон (1964–2003) выдавал себя за сына чернокожего актера и режиссера Сидни Пуатье. Поняв, что ему верят, Хэмптон, представляясь Дэвидом Пуатье, убедил многих знаменитостей, включая Мелани Гриффит и Кельвина Кляйна, дать ему денег.

Кристофер Роканкурт, известный как «фальшивый Рокфеллер», 1967 года рождения, француз по происхождению, утверждал, что он личный друг Билла Клинтона и член семьи Рокфеллеров. Под именем Кристофера Рокфеллера мошенник без зазрения совести откровенно рекламировал себя в СМИ и, вводя в заблуждение десятки состоятельных американцев, выманил у них почти 1 млн долларов. На самом деле, по некоторым сведениям, его мать была проституткой, а отец – алкоголиком, а в возрасте 5 лет «любящие» родители сдали Кристофера в приют.

Последние примеры – яркое подтверждение тому, что в новейшее время самозванство носит неполитический характер. И что оно и по сей день, каким бы удивительным на первый взгляд это не показалось, явление весьма распространенное во всем мире. Его причины все те же – алчность и всепоглощающее честолюбие представителей одной стороны, невежество и суеверие – с другой.

Да, как это ни странно, но косвенной причиной самозванства может по праву считаться поведение самого народа, это самое самозванство не просто допускающего, но и поощряющего всеми своими действиями. Ведь, как говорят, спрос

(а в данном случае и доходящая до абсурда доверчивость) рождает предложение.

Чрезвычайно много появляется мошенников, выдающих себя за всевозможных духовных лиц: «учителей», «гуру», «пророков», «мессий». Взрыв миссионерства, захлестнувший США и Европу и сдерживаемый непробиваемой стеной Советского Союза, мощной ударной волной ворвался в нашу страну после распада государства и не стихает вплоть до сегодняшнего дня. Вот где истинные лжеправители, подчиняющие своей воле определенные, иногда очень большие группы людей, настолько, что их порой откровенно безумные идеи воспринимаются толпой как единственная правда жизни.

Горько осознавать, что за прошедшие столетия и даже тысячелетия в отношении слепой веры людей и отсутствия у них критичного взгляда на подобные вещи практически ничего не изменилось. И за несколько тысяч лет до нашей эры, в эпоху всемогущего древнеегипетского жречества, и в так называемые средние века, во времена безумствующей в Европе католической инквизиции, и теперь, в современном обществе, простые люди боятся и слушаются вездесущих «божьих избранников», которые, как правило, движимы банальными корыстными мотивами, а отнюдь не человеколюбием. И мало кто способен задуматься о том, что в действительности все так называемые «откровения пророков» порождены вовсе не более совершенной душой оных, а двумя абсо-

лютно не сверхъестественными причинами: жаждой власти и наживы; более живым, чем у большинства, воображением. Мало у кого возникает желание открыть учебник истории и узнать истинные причины происходящих в мире процессов (ответственность за это, в частности, лежит на нашей системе образования, формирующей у ребенка неправильное представление о предмете в целом).

Самозванство – явление, не имеющее национальности, однако практически нигде оно не достигало такого размаха, как в Российской империи. На протяжении XVII и вплоть до первой половины XIX века всевозможные «лже...» сыпались на страну, как горох из рваного мешка. И это было показателем неблагополучия в государстве.

Появление самозванцев стимулировало недовольствие, господствовавшее в те времена в низших слоях населения. В отличие от Западной Европы в России недовольство местных жителей, выливающееся в бунты и мятежи, начиналось большей частью на окраинах и явственно проявлялось только тогда, когда среди недовольных появлялась достаточно мощная вооруженная сила. Этой силой в те времена было казачество.

Казачество, призывавшее народ к воле – в собственном оригинальном понимании смысла этого слова, то есть неподчинению властям и беспределу, – было совершенно разншерстным сборищем людей, недовольных существующим строем: беглых разбойников, каторжников, изгнанных за

пределы государства инакомыслящих. В борьбе с центральной властью казачество выставляло собственного «изготовления» самозванцев или поддерживало уже возникших претендентов, будоража мирное население страны.

А кто составлял основную массу этого мирного населения? Конечно же крестьянство. Русский крестьянин всегда, испокон веков был недоволен существующим строем. Да, собственно говоря, это и понятно! Хотя, как доказывает история, в значительной мере виновными в собственном бедственном положении как раньше, так и теперь были и остаются сами русские люди – из-за собственной легендарной терпеливости. Ведь ничто так не развращает власть, не поощряет ее к откровенно преступным по отношению к жителям подвластной страны действиям, как нетребовательность и долготерпение народа.

Но это с одной стороны. А с другой – русского человека всегда привлекала мифическая идея о «добром царе-батюшке», царе-спасителе-освободителе-благодетеле. О том, кто поможет, защитит и рассудит. Именно миф, легенда делала образ государя столь притягательным. Такова парадоксальная ситуация, которая, как бы там ни было, упрочивала монархическое сознание народа и, соответственно, сам самодержавный строй. Хотя недовольство народа, выплескивающееся время от времени в кровавых бунтах, несло в себе реальную угрозу существующему режиму.

Исходя из подобного положения вещей, русские истори-

ки пришли к немаловажному выводу, что в России бороться с монархией можно было лишь во имя самой монархии. Успеха всей затеи можно было ожидать только в том случае, если борьба с властями происходила во имя защиты интересов той же самой власти: защиты прав «законного» наследника престола, якобы лишенного этих прав некими врагами или «чудом» спасшегося от смерти. Вот и появлялся самозванец, выдающий себя за такого «обиженного» монарха. А отсталость народных масс, доверявших всевозможным байкам тем больше, чем невероятнее они были, плюс обязательная в этом случае поддержка казачества, обеспечивали ему определенный, иногда достаточно значительный, успех.

Соответственно, за самозванцами шли не только тяготившиеся собственным бедственным положением люди, но и те, кто искренне верил, что вершится правое дело и защищаются права законного «Божьего избранника». И такая ситуация сохранялась вплоть до событий 1917 года, ставших поворотными не только в судьбе страны, но и в сознании большей части ее населения.

Первый (со времени установления в России официально-го монархического правления) известный самозванец, предположительно звавшийся в миру Григорием Отрепьевым, появляется в России в 1604 году. Претендент именовал себя царевичем Дмитрием Иоанновичем и вошел в историю как Лжедмитрий I. Хотя он и не был посажен на трон казаками,

но нашел у них мощную поддержку. Стоит отметить, что этому лжеправителю удалось не просто захватить престол, но и воссесть на нем почти год!

Всего через два года, еще при жизни первого лжемонарха, появляется лжеправитель номер два – лже-Петр, мнимый сын Феодора Иоанновича. В действительности самозванным наследником престола оказался побочный сын муромского жителя Ивана Коровина Илья.

После гибели Лжедмитрия I прошел слух, что по ошибке убит другой человек, в результате чего в Стародубе Северском появился новый самозванец, «окрещенный» Лжедмитрием II (или Тушинским вором). Через три года он был убит в Калуге.

В годы правления царя Василия Шуйского один за другим возникают самозванцы – выходцы из казачества. Первым в Астрахани объявляется «царевич Август», за ним следует «князь Иван», мнимый сын Иоанна IV. Далее – «царевич Лаврентий», мнимый внук Иоанна IV. Дальше – больше. В степях откуда ни возьмись появляются «сыновья» царя Федора Иоанновича: «царевич Федор», «царевич Клементий», «царевич Савелий», «царевич Семен», ставший известным под именем Лжесемена I; «царевич Василий», «царевич Ерошка», «царевич Гаврилка», «царевич Мартынка».

В 1611 году на псковских землях появляется третий лже-Дмитрий, Сидорка (по одному псковскому сказанию – Матюшка), «Ивангородский вор». Кстати, не стоит удивляться

пренебрежительным, на наш взгляд, именам претендентов. Не будем забывать, где и когда все происходило. Вероятно, для крестьянина Петрушки был ближе, роднее и понятнее добрый царь Матюшка, чем, к примеру, великий князь Александр или Николай, и рисковать за него собственной головой было легче и, если можно так выразиться, приятнее.

Эти мрачные времена – времена засилий самозванных претендентов на престол – вошли в историю под названием смутных. Но и позднее, не остановленные жестокими расправами над предыдущими претендентами, самозванцы не перестают множиться. Исследователям известны такие самозванцы, как Лжеивашка I – некий Луба, появившийся в Польше во времена правления Михаила Федоровича и выдававший себя за сына Лжедмитрия I. «Принц Симеон», сын царя Василия Шуйского (иначе лже-Тимофей) и «великий князь пермский», на самом деле был Тимошкой Акундиновым, сыном волжского купца. Появившийся в 1644 году в Константинополе самозванец Лжеивашка II также выдавал себя за московского царевича Ивана Дмитриевича Долгоруких, сына царевича Дмитрия. На самом деле он был лубенским уроженцем по имени Ивашка Вергуненок.

Во время бунта Стеньки Разина с ним находился некто лже-Алексей (иначе Нечай), самозванный «сын» царя Алексея Михайловича, который на самом деле был атаманом разбойников Максимом Осиповым. Другой самозванец, составлявший компанию Разину, выдавал себя за патриарха Нико-

на.

В самом конце правления Алексея Михайловича в среде запорожских казаков появился Лжесимеон II, самозванный царский «сын», и снова Матюшка, сын варшавского мещанина. В XVIII веке возникают два «брата-царевича» Алексей и Петр Петровичи, которыми назвались Ларион Стародубцев и Тимофей Труженик.

В 1768 году адъютант Опочинин (не слишком частый пример, когда благополучный, в общем-то, человек становится самозванцем) выдавал себя за сына императрицы Елизаветы и английского короля. Правда, за эту дерзость молодой человек не получил полагающейся самозванцам жесточайшей кары. Он поплатился лишь переводом в том же чине в гарнизон на линию боевых действий, так как во внимание были приняты его чистосердечное раскаяние и заслуги его отца. Подобный исход дела можно назвать исключением из правил, поскольку практически все остальные претенденты кончили, что называется, очень плохо.

Несколькими годами раньше стали появляться самозванцы, выдававшие себя за императора Петра III. К примеру, беглый солдат Гаврила Кременев с помощью попа Льва Евдокимова предстал пред жителями Воронежской и Белгородской губерний в образе вышеназванного монарха. За этим, что не удивительно, последовало наказание кнутом и ссылка в Сибирь «виновника торжества».

В 1767 году «предтечей» очередного самозванного царя

стал беглый солдат Мамыкин. Он упорно распускал слухи, что Петр III жив и скоро придет, чтобы вернуть свое царство. Такая тактика дала отличный результат: оживший Петр прочно засел в умах российских обывателей, а через год о том же самом начали перешептываться заключенные Шлиссельбургской крепости, подстрекаемые подпоручиком Иоасафом Батуриным. Но все это продолжало оставаться на уровне слухов... до тех пор, пока среди яицких казаков не появился всем известный теперь самозванный Петр III – Емельян Пугачев. Восстание, умело подготовленное его соратниками и поднятое самим Пугачевым, было действительно яростным. Кровавая волна крестьянского гнева прокатилась тогда по всей Оренбургской области, Южному Уралу и Среднему Поволжью, наказав не только угнетателей в лице помещиков, но и всю Россию. В конце концов претендент был схвачен властями и казнен с неслыханной жестокостью.

Восстанием под предводительством Пугачева завершился «крестный ход» самозванных царей в XVIII веке. Но следующий век старую «добрую» традицию самозванства подхватил и продолжил, причем весьма успешно.

В XIX веке, после смерти великого князя Константина Павловича (в 1831 году) по стране поползли слухи о том, что, якобы, он не умер, а жив и заключен в Петропавловскую крепость. Вслед за чем, разумеется, возник очередной самозванец, некий житель Тамбовской губернии. После смерти в том же году и супруги великого князя, княгини Лович, в

Московской губернии появилась женщина, выдававшая себя за покойную княгиню. Следующий «великий князь Константин Павлович» возникает среди уральского казачьего войска в 1842 году.

Идея самозванства прельщала самых разных по темпераменту и складу характера людей. Понятно, что дух авантюризма в разной мере был присущ им всем, как и ненасытное честолюбие. Однако особого внимания здесь требует другой момент, на который обратили внимание исследователи, а именно – конфликт с Богом.

Пожалуй, не стоит напоминать, какую роль играла религия и вера в жизни людей того времени. Даже сегодня православная церковь не приветствует такую профессию, как актер. Человек, «примеряющий на себя» чужую личину, чужую жизнь, оскорбляет Бога, давшего ему свою собственную, единственную и неповторимую. Что уж говорить о прошлых веках! Ведь когда-то лицедеев не считали за людей и даже запрещали хоронить на общественных кладбищах, в освященной земле. А человек, отрекшийся от веры (для этого достаточно было перестать соблюдать основные ее традиции) автоматически ставился на одну чашу весов с самоубийцей.

Можно представить, что должен чувствовать человек (а особенно житель сельской глубинки) XVII–XIX веков, сознательно отказывающийся от своего, данного при таин-

стве крещения имени, от Божьего покровительства, как, собственно, и от него самого и «дарованной» им жизни. Внутренний страх от подобного шага должен был быть, пожалуй, даже большим, чем страх внешний, – страх практически неизбежного – а всякий отдающий себе отчет в собственных действиях самозванец должен был это понимать – жестокого наказания, ссылки или мучительной казни (порка до смерти, дыба, виселица, четвертование – далеко не полный список «процедур», изобретенных «чадами Божьими» для того, чтобы лишать им же данной жизни себе подобных).

Следует помнить, что каждый самозванец был личностью. Личностью смелой, в какой-то мере талантливой, а главное – способной на поступок. Безусловно, самозванные правители умели вести за собой народ. Их «игра в царя» (как и «игра в мессию» некоторых современных «гуру») порой выглядит до смешного наивной. Однако на самом деле она имела сильную сторону: выходцы из низов, самозванцы прекрасно чувствовали психологию масс и выстраивали собственное поведение в соответствии с их ожиданиями. Они понимали, что поведение и дела искателя народного доверия порой играют решающую роль. Ибо, если претендент законен, – исходя все из того же мифологического образа «доброго государя», он должен действовать в интересах народа. Но вместе с этим или благодаря этому они умело «подгоняли» своих сторонников под себя, внушали им собственные идеи, искусно заставляли подчиняться своей воле.

Кстати говоря, подсознательной тягой видеть государя «добрым», «своим» можно объяснить такое совершенно непонятное и странное на первый взгляд явление в народной среде, как «ходоки» (тут же невольно всплывает перед глазами известная картина советских времен «Ходоки у Ленина» кисти В. Серова: что ж, ничего удивительного – смена власти «русской души» не изменила). Народ был твердо убежден, что стоит ходокам добраться до государя и пасть ему в ноги, как незамедлительно просьба будет удовлетворена. Иной вариант решения проблемы народным умом не допускался в принципе, а когда он следовал – тут же объяснялся вмешательством «злых» дворян, скрывающих «правду» либо от одной, либо от другой стороны.

Отсюда удивительное упорство челобитчиков, пытавшихся добраться до государя любой ценой, несмотря на всякого рода преграды и угрозы наказания вплоть до ареста и ссылки.

В формировании подобной убежденности, правда, огромная «заслуга» принадлежит и церкви. Во-первых, все помнят известные слова Иисуса Христа из Нагорной проповеди: «Просите, и дано будет вам; ищите, и найдете; стучите, и отворят вам; ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят». Эту мысль можно дополнить словами Бенедикта Спинозы: «... если бы им [людям] всегда благоприятствовало счастье, то никакое суеверие не могло бы овладеть ими». Как и желание поклоняться себе подоб-

ным, вне зависимости от титулов, ими же самими друг другу присвоенных...

Каково же было разочарование толпы, когда существующий монарх «не оправдывал их доверия», и какова радость, когда очередной самозванец, благодаря своим «справедливым» действиям и решениям, отождествлялся с образом идеального государя, мгновенно превращаясь в «истинного правителя». Восседающий на троне самодержец автоматически становился «чужим», самозванец – своим (правда, ненадолго...). Положение последнего подкреплялось заверением в истинности собственного происхождения, неважно, на чем базирующемся – малограмотная, достаточно «обработанная» психологически толпа готова была принять всё что угодно.

Самозванство, как правило, начиналось с того, что самозванцем объявлялся правящий монарх. Последний обычно обвинялся в том, что он либо посягал на жизнь царевича-наследника, как это сделал Борис Годунов, либо занимал трон в условиях, когда существовали законные преемники, представители прежнего правящего дома (как это вышло с первыми Романовыми); или же истинный государь мог лишиться трона в результате заговора, как это случилось, например, с Петром III.

Далее следовали всевозможные постановления – грамоты самозванца с разнообразными обещаниями и пожалованиями, дополненными приказами о наказании «изменников»:

дворян, воевод и т. д., что и создавало образ «справедливого государя». Тут можно провести тройную параллель: законный государь = богоданный = справедливый. Ну, а справедливый – значит законный. В этой связи неподчинение самозванцу = законному царю означало смертный грех в первую очередь, ну и преступление – во вторую. Все это вместе взятое избавляло от страха оказать поддержку самозванцу.

На самом же деле у сторонников самозванца, скорее всего, оставалось немало сомнений по поводу правомочности претензий данной особы. Но они верили ему, потому что хотели верить. И молчали о своих сомнениях, даже когда окончательно угасала первичная эйфория и наступало «прозрение». Большую роль в «неразвенчании» самозванцев самими «прозревшими» играла крестьянско-сельская община. Авторитет общины был безусловным, а ее порицание, так называемый «мирской приговор» – страшнее законов и тюрем, вместе взятых.

Исследователи обычно подразделяют самозванцев на бунтарей, авантюристов и марионеток. Все они по-своему были опасны для правящего режима. И постепенно такая опасность стала постоянным явлением русской жизни.

Со временем самозванство обрело и определенное функциональное значение. Оно напоминало властям об опасности абсолютного игнорирования представлений «низов» о «правде» и «добром и справедливом государе – Божьем

ставленнике» и не давало политической элите возможности окончательно терять разум от упоения собственным положением, проявляя бездумное легкомыслие, оборачивающееся печально известными народными бунтами, легко могущими стать фатальными для любого правительства и большой проблемой для страны в целом. В связи с этим время от времени народу бросалась очередная «кость», благодаря которой его, стоящего на грани мятежа, удавалось удержать от выхода «за рамки».

Принимая во внимание исторически сформировавшийся менталитет нации, самозванцы в России успешно пользовались всегда страхом простого народа перед любым подобием сильной власти. Хотя тут стоит оговориться: подобное явление – страх, а еще точнее – внутреннее желание подчиняться тому, что считается властью, – свойственно всем людям, независимо от их национальной принадлежности.

Как считают исследователи, чрезвычайно большое значение в явлении самозванства имеет унижение личности, унижение, в первую очередь, в ее собственных глазах, а только потом уже и в глазах окружающих ее людей. Крайне редки, если не единичны, примеры того, когда занимающий высокое общественное положение человек, благополучный, а главное – ПРИЗНАННЫЙ, решил бы выдать себя за кого-то другого, даже более обеспеченного в материальном плане. Поэтому самозванство, конечно, стоит рассматривать и как протест против собственного бессилия, собственной незна-

чимости (чем характеризуется начало «карьеры» каждого самозванца), в результате которого у человека появляется сознание своего величия, проявляется чувство самоуважения.

Хочется обратить внимание на то, что желание быть значимым на самом деле гнездится в душе каждого человека намного глубже, чем это может показаться на первый взгляд. Жажда ощутить собственную значимость, как в случаях с самозванцами, может быть сильна настолько, что даже ужас перед кошмарной смертной казнью, которой карали претендентов на чужой престол, не останавливал желающих занять не принадлежащее им место.

Хоремхеб. Как стать «сыном Бога»

Имя нашего первого героя, страстно стремившегося непременно оставить собственный след в истории, жаждавшего любой ценой пробиться к власти, но в итоге канувшего в вечность вместе с сотнями и тысячами таких же, как и он, – Хоремхеб, или, если следовать египетской традиции, – Великий фараон Египта, сын и воплощение бессмертного Господа Амона, бесстрашный и непобедимый Хоремхеб.

Но далеко не сразу удалось простому египетскому воину, жившему – жутко представить! – более трех тысяч лет назад, достичь высот, которых, по всем правилам престолонаследования Древнего Египта, достичь у него не было равным счетом никаких шансов. Тут следует уточнить: мы понимаем, что, независимо от законов и традиций, трон со всеми вытекающими отсюда последствиями, как в Египте, так и в любой другой стране мира, можно было завоевать. Завоевать любому, совсем не обязательно знатному, но главное – способному на это человеку. Что, собственно говоря, и происходило сплошь и рядом. Завоеватель, то есть узурпатор власти, становился царем, королем, фараоном и так далее и тому подобное и правил ровно столько, сколько позволяли ему это делать сложившиеся обстоятельства.

Тут все ясно и понятно. Вот только в случае с нашим геро-

ем дело обстояло несколько иначе, о чем, собственно говоря, и пойдет речь в этом повествовании. Хоремхеб, безусловно великий во всех смыслах этого слова человек, был и остается неразрешимой загадкой до сегодняшнего дня не только благодаря своему воистину уникальному для той страны и эпохи «взлету», но и всему тому, что он сделал потом, когда путем титанических усилий внес собственное имя в перечень египетских правителей.

Только о том, сколько ученых, историков, исследователей в разные годы и в разных странах мира посвятили свои работы, а иногда и целые жизни Древнему Египту, его тайнам и, в частности, его царям, можно написать не одну книгу. И для того, чтобы нам хоть немного вникнуть в суть проблемы, без чего совершенно невозможно даже пытаться понять человека, жившего за полторы тысячи лет до нашей эры и о котором пойдет наш рассказ, попробуем понять, что же представляла собой эта таинственная и прекрасная страна в те невероятно далекие дни.

Древний Египет. Колыбель человечества, каковой многие его считают. Страна тысячи вопросов без ответов. И действительно, разве есть на свете место более таинственное, более загадочное и более непостижимое? Величественные пирамиды, уносящиеся своими некогда позолоченными вершинами в ослепительно-голубое небо. Невероятный сфинкс – Шесепанх, источенный беспощадными ливнями, тысячи

лет назад проливавшимися там, где потом раскинулась бескрайняя пустыня, которая поглотила и скрыла от людских глаз его грандиозную фигуру, – сберегающий, по поверьям, под своими могучими лапами тайну рождения мира.

Как жили люди, возможно, видевшие своими глазами тех, кого впоследствии, утратив последние крохи воспоминаний о том, что было на самом деле, их растерянные потомки стали именовать странным и таинственным словом «боги»?

Забыто все. И даже те, кто называл себя жрецами тех самых великих богов (и первых и вторых в Египте, стоит заметить, было великое множество), уже не в состоянии соединить в единое, связное целое ни одну из многочисленных теорий.

Остались лишь довольно многочисленные памятники тех времен, происхождение и назначение многих из которых даже при всех современных технологиях нет никакой возможности объяснить. И обрывки, жалкие крупитцы воспоминаний. Например, о том, что люди Земли – чему вторит христианская, да и многие другие традиции – были созданы. Кем созданы? Конечно же, богами. Но это еще не все. Кроме «созданий», у этих загадочных богов были также и «дети».

В чем заключалась разница между первыми и вторыми, было ясно даже самому, как сказали бы теперь, «малограмотному» (а таковых в стране того периода было, к прискорбию, подавляющее большинство) местному жителю: человечество в целом было сотворено, дети же, разумеется, были

рождены.

Откуда же простому египетскому земледельцу или, скажем, рыбаку было это известно? Разумеется, от вездесущих жрецов, иначе говоря священнослужителей, которых, надо заметить, почитали едва ли не наравне с теми самими богами. Которых уважали. Которых боялись.

Не углубляясь в дебри чрезвычайно запутанной древнеегипетской религиозной доктрины, в которой не просто было разобраться даже ее современникам, попытаемся вкратце сформулировать ее основные постулаты, касающиеся нашей темы. Как объясняли всезнающие жрецы, первые люди были «сотворены», иначе говоря, слеплены из глины специально выделенным для этой деятельности Богом-творцом и предназначались – как и все их, уже рожденные посредством известного процесса, потомки – непосредственно для служения богам. Восхваление и прославление богов считалось единственной целью человеческой жизни.

Но у «детей» богов было совсем иное предназначение и никакой глиняной смеси в процессе их изначального «производства» никогда не использовалось.

Так кем же они были, «дети» богов?

«Детьми» богов в Древнем Египте считались даже не жрецы, которые, в принципе, были наделены практически безграничной властью в стране. Это были цари, позднее ставшие именоваться фараонами³, владельцы Египта наряду со

³ *Фараон* – в дословном переводе означает «большой дом».

жрецами, постоянно соперничавшие с ними за эту самую власть. Надо заметить, что фараоны считались не только детьми, но и живыми воплощениями богов, точнее солнечного бога – Амона (Гора), не сотворенные, но рожденные от него самого и его божественной супруги, в роли которой, разумеется, выступала жена каждого очередного царя. В отличие от современных представлений, для древних египтян царь (фараон) был именно богом. В самом прямом смысле этого слова. Богом, жившим на земле и обладающим всеми соответствующими характеристиками последнего. Царица была земной богиней, родной дочерью и воплощением небесной богини Исида. Момент соития царя и царицы был моментом соития богов, зачинали и рождали они, соответственно, тоже бога. И так далее и тому подобное.

Небесные боги правили в Небесном царстве. Их воплощения и «дети» – в земном. Отсюда никто, кроме детей богов – царей и их наследников, то есть их родных сыновей, – не имел права занимать египетский престол. Это был самый нерушимый из всех законов того времени. Посягнуть на него считалось святотатством, преступлением, равного которому трудно было даже представить.

Правда, существовал один маленький нюанс: различить, определить «истинного сына бога» (интересно, что хотя право наследования в древнем Египте передавалось по материнской линии, царями-фараонами в абсолютном большинстве своем были мужчины) мог только жрец. При возник-

новении любого рода сложности с «удостоверением личности» претендента на божественный престол разрешить ситуацию призывали священнослужителей. Когда могли возникнуть подобные ситуации? Тогда, например, когда фараон уходил в мир иной, не успев оставить потомства.

В связи с этим каждый, претендующий на трон и, соответственно, на собственное божественное происхождение, просто обязан был заиметь добрые отношения с лидирующими представителями могущественного жреческого сословия. И уж об этом-то очень хорошо знали и помнили все жаждущие украсить свое чело царским уреем⁴, равно как и наш, весьма удачливый и в этом плане, и во всех остальных, герой – Хoremхеб.

Прежде чем перейти к рассмотрению невероятно любопытной карьеры самопровозглашенного «сына Амона» Хoremхеба, крайне полезно будет вспомнить об обстановке, сложившейся в самом Египте в те далекие годы, и о том, кем были непосредственные предшественники будущего новоиспеченного фараона, которым он, кстати говоря, во многом оказался обязан своим будущим успехом. Причем не иначе как в благодарность за оказанные ему благодеяния с некоторыми из них – да что там! – даже с памятью о них – поступил весьма своеобразно...

⁴ *Урей* – головной убор или диадема фараона, представлявшая собой коршуна с распростертыми крыльями и поднявшуюся, словно для нападения, кобру.

Пожалуй, начать разговор стоит с 1372 года до нашей эры. К слову, сами египтяне свою страну никогда не называли Египтом. В древности, благодаря остающимся после ежегодного разлива реки плодородным нильским наносам, она носила название Кемет, или «Черная земля» (в отличие от «Красной земли» – пустыни). Еще ее именовали «Мемфис – Хетт-Ка-Пта», то есть «Владения души господ Пта⁵», откуда и пошло, трансформированное греками, слово Египет. Современные арабы, населяющие эти земли, называют свою страну Миср. И социальные, и международные отношения Египта того времени нам довольно хорошо известны благодаря находке в эль-Амарне большого государственного архива египетских фараонов конца XVIII династии. В этом архиве сохранились дипломатические послания царей Вавилона, Ассирии, Хеттского государства и Кипра, а также многих сиро-палестинских князей и правителей к египетскому фараону. Письма Амарнского архива являются ценнейшими историческими документами, во всех красках демонстрирующими нам уровень развития дипломатии того времени. Судя по этим письмам, Египет в ту пору поддерживал торговые и дипломатические взаимоотношения с целым рядом государств Передней Азии. Переговоры между отдельными государствами велись устно, через специальных послов, и письменно, через «курьеров». Эти переговоры зачастую приводили к разрешению возникших конфликтов, заключению во-

⁵ *Пта* – одно из главных божеств многочисленного египетского пантеона.

енно-политических союзов и соглашений, которые при этом принято было облекать покровом таинственности. Политические союзы часто скреплялись весьма полезными для обеих сторон династическими браками.

Упадок военного могущества Египта, заметно проявившийся еще в царствование Аменхотепа III, стал более заметен при его сыне и преемнике Аменхотепе IV (1424–1388 гг. до н. э.). Правда, Аменхотеп IV стал более известен миру как реформатор Эхнатон.

На деятельности фараона Эхнатона стоит остановиться подробнее, поскольку, как говорят источники, он первым заметил и особо высоко оценил действительно недюжинные способности нашего героя, Хoremхеба, и дал ему, как говорится, «путевку в жизнь». Многие исследователи предполагают, что на свою беду...

Практика показала, что ко времени царствования Эхнатона Египет уже не располагал достаточными военными силами, чтобы защищать свои прежние завоевания. Вполне вероятно, что и этот фактор сыграл определенную роль в том, что реформы нового фараона оказались недолговечны, а их последствия были жестоко пресечены одновременно со смертью их автора. Кем пресечены? Об этом немного позднее...

Так вот, важнейшим событием того времени стало проведение Аменхотепом IV так называемой большой религиозной реформы. Эта реформа была призвана заменить древнюю традиционную систему многобожия новым куль-

том единого солнечного бога. Проект феноменальный по своей грандиозности, дерзости и размаху – сейчас мы объясним, что имеем в виду, говоря об этом, – превосходящий, наверное, даже введение христианства в Древней Руси, правда не столь удачный. И на это были свои причины. Одной из которых, без всяких сомнений, явился тот факт, что, кроме всего прочего, Аменхотеп пытался уничтожить теорию, гласившую, что жизнь продолжается после смерти. Теорию, на которую, если можно так выразиться, работала и на которой базировалась вся древнеегипетская культура.

Любой человек, независимо от того, к каким бы слоям общества он не принадлежал, скрыто или явно жаждет жить вечно. Это непреложная истина. Так вот, если нашим предкам, объявляя вне закона древних славянских богов (среди которых присутствовал, надо заметить, и общий для нас и древних египтян Ра), хотя бы оставили веру в то, что смерть – это еще не конец, веру в то, что, когда человек умирает, – для него, тем не менее, еще не все потеряно, то древних египтян по какой-то одному ему известной причине фараон Эхнатон решил лишить даже этого утешения. Почему? Эта тайна – одна из многих, которые Аменхотеп IV унес с собой в мир иной. Туда, где все тайное становится наконец явным...

Но пока еще владыка Эхнатон жив и активно занимается проведением в жизнь своей реформы. Для чего же новому царю понадобилось это делать?

Как уже было отмечено, к описываемому времени египет-

ские фараоны были вынуждены отказаться от весьма удачной и довольно прибыльной захватнической политики своих предшественников. Этот отказ и нашел свое яркое отражение во всей деятельности фараона Аменхотепа IV. Ведь завоевательные войны фараонов XVIII династии привели к обогащению лишь небольшой группы придворной знати и тяжело сказались на положении простого народа. Наибольшие богатства скопились в храмах вообще, но главным образом – в руках фиванских жрецов Амона⁶, которые в этом отношении к описываемому периоду времени запросто могли потягаться с самим царем. Религиозная реформа оказалась, таким образом, направленной в первую очередь против фактически безграничного господства невероятно разбогатевшего высшего фиванского жречества. Ведь даже непосвященным сложно, наверное, будет поверить в то, что именно заботой о вконец обнищавшем народе был движим в своей деятельности фараон. Правдоподобнее будет предположить, что власть служителей культа, несмотря на то что официально фараон тоже принадлежал к их числу – причем считался верховным жрецом всей страны, – становилась опасной для власти самого царя. В связи с чем он и решил приложить грандиозные усилия, чтобы и себя, и свое потомство от этой опасности оградить. Если смотреть правде в глаза, то

⁶ Амон – наряду с Ра и Гором одна из ипостасей бога солнца. В Древнем Египте каждый город поклонялся отдельному богу, что усугубляло разобщенность населения.

становится очевидным, что это и была главная причина реформы, задуманной Аменхотепом. Главная, но, разумеется, не единственная. Другие, не столь меркантильные, тоже, без сомнения, присутствовали. Среди них такие, к примеру, полезные для страны причины, как прекращение религиозных распрей, которые на почве многобожия, безусловно, случались; сплочение населения страны благодаря вере в единого для всех небесного владыку и улучшению условий жизни людей в городах и областях за счет богатств, конфискованных у ставших «лишними» храмов других богов. Трудно преувеличить, насколько поклонение разным богам отделяло людей друг от друга, что было на руку верховным жрецам и их свите в каждой отдельно взятой местности. «Разделяй и властвуй» – знаменитая фраза, часто приписываемая Юлию Цезарю, первоисточник которой на самом деле так и остался неизвестен, актуальна во все времена. Идея единого и общего для всех бога могла послужить сплочению египетского народа, как «внутри себя», так и с населением некогда враждебных, а теперь подвластных ему территорий.

И раз уж религия являлась главной формой идеологии и на ней зиждились как общественная, так и частная жизнь жителей всей страны, вне зависимости от достатка и положения, – храмы являлись крупнейшими центрами культурного влияния в стране. Поэтому религиозная проповедь могла быть с легкостью использована правительством для укрепления собственного положения, как в самой «Черной земле»,

так и на близлежащих территориях. С этой целью, очевидно, и создавались понятные и доступные разноязычным и разноплеменным массам, населявшим соседние с Египтом земли, новые формы культа.

На эту составляющую религиозной реформы Эхнатона указывают некоторые фразы из большого гимна Атону. В гимне говорится о том, что бог солнца Атон восходит над каждой страной, что он как единый творец мира создал все страны – Египет, Сирию и Нубию, посылая жизнь каждой стране. Если прежние египетские боги изображались как покровители одного лишь Египта и египетского царя, обеспечивавшие ему победу над его врагами, то теперь новый бог Атон был объявлен богом не только Египта, но также и соседних стран.

Таким образом, вступив на престол, Аменхотеп IV начал открытую борьбу против жрецов, опираясь при этом на довольно широкие слои населения Египта, которым пришлось по душе предложенная новым царем перспектива поправить собственное бедственное материальное положение. Тем более что вряд ли Эхнатон начал свою агитрабoту с сообщения о том, что никакой жизни после смерти, как он предполагал, не существует в принципе. Ведь в этом случае ему бы не удалось привлечь хоть сколь-нибудь значительное количество последователей, хотя бы из числа простых граждан. Процесс переоценки ценностей происходил не в один день, причем он был достаточно грамотно построен и преподнесен. Тем

не менее многие весьма серьезные причины – в том числе и желание жить вечно, если не в этом, то хотя бы в загробном мире, – перечеркнули в конце концов все многолетние труды Эхнатона. Тут он явно, как говорится, перегнул палку. Но, несмотря ни на что, результат, которого фараону все-таки удалось добиться, не может не вызвать уважения.

Итак, попытка свергнуть власть жрецов была невероятно трудной и настолько же опасной даже для «живого воплощения бога на Земле». Благодаря все тому же непомерному богатству в течение всех предыдущих царствований жрецы оказывали сильнейшее влияние как на внутреннюю, так и на внешнюю политику египетского правительства, и для того чтобы начать борьбу с подобным положением вещей, Аменхотеп IV просто обязан был сначала заручиться поддержкой хоть какой-то, пусть даже самой небольшой части представителей именно этого сословия. Новый фараон предпринял хитрый и чрезвычайно разумный маневр – он переманил на свою сторону провинциальное жречество, в частности священнослужителей двух главных городов страны – Гелиополя и Мемфиса. В этих городах со времен глубокой древности тоже процветал культ единого верховного солнечного божества, вот только не Амона. Поэтому для начала Аменхотеп IV стал выдвигать в противовес культу фиванского бога Амона культ гелиопольско-мемфисского бога Ра-Горахте (Гора, или Хора). Объявив себя первосвященником именно этого бога, фараон начал строить в Фивах его храм, провоз-

гласив его самого при этом единственным существующим божеством.

Чтобы подчеркнуть значимость своей реформы, Аменхотеп IV все эти строительные работы проводил с большой пышностью. В надписи, обнаруженной на самом храме, говорится о том, что только лишь для работ по изготовлению одного большого обелиска царь призвал всех каменщиков от Элефантины до дельты. Именно к этому периоду относятся и самые многочисленные изображения солнечного божества Гора с головой сокола, украшенной солнечным диском.

Однако, как считал Аменхотеп, время для нанесения сокрушающего удара по фиванским жрецам, а вместе с ними и по всему древнему традиционному многобожию, еще не настало. Восстановление древнего культа и постройка храма солнечному богу в Фивах стали лишь первым этапом его реформы, перевернувшей – правда, только на время – тысячелетние устои целой страны.

Пока Аменхотеп выжидал подходящего момента, его деятельность вызвала мощную оппозицию со стороны лидеров фиванского жречества, что в свою очередь заставило царя окончательно порвать с ними. Культ прежнего «государственного» бога Амона и вся система древнего традиционного многобожия подверглись гонению. Храмы, не признававшие реформу Эхнатона, разрушались по всей стране и в невероятных количествах, жрецы изгонялись. Особо яростных противников политики нового фараона объявляли ере-

тиками и просто казнили. Имя бога Амона, имена других богов Египта и даже само слово «боги» усердно уничтожались на всех памятниках, причем царь не пощадил даже имени своего отца, равно как и своего собственного, ибо в их состав входило имя Амона («Аменхотеп» означает «Амон доволен»).

Одновременно с расправами над жрецами Амона Аменхотеп IV выдвинул и официально утвердил новый культ. Он провозгласил культ единого солнечного бога Атона, который якобы лично снизошел к нему в святом откровении. В связи с чем фараон принял имя Эхнатон, что означало «блеск Атона». После этого Аменхотеп-Эхнатон навсегда покинул Фивы.

Поблизости от современной Эль-Амарны царь построил себе новую столицу, о красоте и роскоши которой будут слагать гимны многие его современники, и украсил ее дворцами и храмами. В этот город, получивший название Ахетатон, что в приблизительном переводе означает «горизонт Атона», Эхнатон и переселился вместе со всем своим двором, чиновниками и жрецами нового солнечного бога.

Производившиеся уже в наше время раскопки бывшей резиденции Эхнатона дали колоссальный материал для изучения жизни египетских городов той эпохи. Наряду с большим царским дворцом здесь были обнаружены здания государственных учреждений, в частности государственного архива

и «школы писцов» (так называемого «дома жизни»), богатые усадьбы, принадлежавшие крупным аристократам и чиновникам, кроме того, дома, в которых жили представители средних слоев населения, мелкие торговцы и ремесленники. И наконец, целый квартал, когда-то населенный городской беднотой, скорее всего людьми, в те далекие времена трудившимися в некрополе ^[1].

А неподалеку от города были обнаружены гробницы знатных вельмож того времени. Стены погребальных комнат в этих гробницах сохранили уникальную роспись с изображениями фрагментов жизни людей и богов, выполненными с невероятным мастерством. А еще – интереснейшие надписи (в частности, текст гимна в честь бога Атона), которые дают возможность довольно подробно изучить и саму эпоху в целом, и религиозную реформу, проведенную Эхнатом.

Проводя свою реформу, Эхнатон опирался в основном на средние слои населения, представители которых образовали вокруг фараона новую группу придворного чиновничества. Вот с этого момента, насколько нам известно, и начинается карьера главного героя этого повествования – Хoremхеба. Эти новые вельможи находились в полной экономической зависимости от фараона. В оставленных после себя надписях в своих гробницах они гордятся главным образом не своей родовитостью и знатностью, а милостями фараона, которому они обязаны своим возвышением. Без его благосклонности, без его внимания и его щедрой руки они с легкостью

снова оказались бы там, откуда «вытянул» их Аменхотеп, — на улице, без каких-либо надежд хоть что-то изменить. И к чести представителей новой египетской элиты стоит сказать, что они без ложного самодовольства откровенно это признавали: на стенах своих гробниц они часто изображали, как царь щедро вознаграждает их за верную службу и за то, что они следуют его новому религиозному учению, всячески поддерживая реформу, что было весьма честно и благородно с их стороны. Они, как только могли, подчеркивали свою верность египетскому царю в благодарность за его благодеяния и преданность новому религиозному учению, фанатичным проповедником которого был сам Эхнатон, не из альтруистических, разумеется, соображений, но тем не менее...

Следует отметить, что в те времена в Древнем Египте, как позже и в феодальной Европе и Азии, так называемая личная верность еще была в большой цене. Царь ценил верных ему людей, равно как и последние дорожили благосклонностью своего сюзерена. Правда, несмотря даже на все это, мероприятие, затеянное Аменхотепом, закончилось весьма печально.

Эхнатон, опираясь на это новое, созданное им и всецело ему преданное чиновничество, в течение всего времени своего царствования упорно и последовательно проводил в жизнь задуманную им реформу. Кроме своей новой столицы во всех крупнейших городах Египта, где были особенно сильны культы древних богов, — в Фивах, Мемфисе, Гелио-

поле и Гермонтисе – он построил храмы новому богу солнца Атону, который отныне был провозглашен единым «официальным» государственным богом. Больше того, культ Атона насаждался даже в Нубии, где еще при Аменхотепе III был основан новый город ниже третьего нильского порога, получивший название Гем-Атон. Эхнатон разрушил храм, построенный здесь его отцом в честь фиванского бога Амона, и воздвиг новый храм в честь собственного божества.

Борьба Эхнатона против Амона в лице фиванского жречества (или наоборот) вызывала вяло текущее, но стабильное, иногда и активное сопротивление со стороны той части населения страны, которая поддерживала фиванских жрецов и правителей номов⁷. В конце концов жрецы и номархи, недовольные новым курсом правительственной политики, подрывающей устои их правления, составили заговор с целью покушения на венценосного реформатора. На это указывает одно из изображений, сохранившееся на стенах гробницы начальника столичной полиции Маху. На нем можно увидеть, как Маху привозит на суд к везиру⁸ и другим высшим чиновникам важных государственных преступников: одного египтянина и двух чужеземцев – организаторов заговора. Обрадованный тем, что покушение предотвращено, ве-

⁷ *Ном* (от греч. «район», «область») – древнеегипетская территориальная единица. От слова «номарх» (правитель нома) путем простой перестановки литер произошло, по всей видимости, всем известное слово «монарх».

⁸ *Везир* – первый по значимости после царя государственный чиновник.

зир благословляет царя на долгую жизнь во здравии и благоденствии. Не без оснований гордясь собственной ролью, сыгранной им в раскрытии заговора, Маху изобразил эту сцену на стенах своей гробницы.

Какими бы благими намерениями не руководствовался Эхнатон в проводимой им деятельности, каких бы успехов не достиг – его религиозная реформа не привела к желаемому результату. Объединить население страны так и не получилось. Фараону удалось лишь на время, да и то не полностью, сломить могущество своих противников из могущественного клана жрецов прежних богов. Ставленники и, позднее, преемники Эхнатона не смогли защитить ни его, ни его реформу, ни даже себя самих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Примечания

1.

Некрополь – место захоронения усопших. Поскольку процедура погребения в Древнем Египте почти всегда включала в себя хотя бы простейшее бальзамирование тел, а иногда (в зависимости от материального достатка покойных) и дорогостоящую мумификацию, он мало напоминал современные христианские кладбища.